

Тёмен жребий русского поэта,
Неисповедимый рок ведёт
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот...
М.Волошин

22 декабря 1849 года (дата по старому стилю) на Семёновском плацу в Санкт-Петербурге казнили опасных политических преступников – участников нескольких нелегальных кружков, собиравшихся по частным квартирам и читавших там известное возмущительное письмо литератора Белинского (уже скончавшегося к тому времени от чахотки) к писателю Гоголю. А Гоголь доживал последние годы своей жизни (он умрёт в марте 1852 года) и всё больше уходил от литературного творчества, всё больше отчуждался от мира, впадал в религиозную экзальтацию и каялся с отчаянием в своих истинных и надуманных грехах. Да, когда Достоевский написал свою первую большую вещь – эпистолярный роман (роман в письмах) «Бедные люди», то он писал его под прямым влиянием идей Гоголя, в его пронзительной, мучительной стилистике со склонностью к психоанализу и даже некоторому самокопанию.

Эта манера, которую можно было бы назвать психологическим реализмом, родилась из несоответствия высоких помыслов чистых в своих христианских убеждениях русских людей предреформенной эпохи и тусклой причиненной обстановкой жизни, задавленностью бюрократическими порядками и надзорными придирками позднего николаевского режима. В те времена, к примеру, было обычной практикой перлюстрация (просмотр) частных писем на государственной почте. Причём – это не скрывалось, и за любым гражданином могли прийти хотя днём, хоть ночью жандармы и повлечь его к дознанию только за одно неосторожное слово касательно властей, что он обронил в частном письме. Что уж говорить о кружковой деятельности, о негласных собраниях, где, может быть, и не предполагалось даже какие-то политические действия протеста против режима власти, но шёл откровенный и свободный разговор о насущных проблемах общественной жизни – и этого уже было довольно, чтобы счесть таких кружковцев опаснейшими государственными преступниками.

Достоевский тогда, в свои 28 лет, был уже известным писателем, сразу оценённым такими корифеями тогдашней передовой литературы, как Белинский и Некрасов. В старости, году в 1877-м, в своём «Дневнике писателя» Фёдор Михайлович будет вспоминать с упоением, как он впервые познакомился с «неистовым Виссарионом» в мае 1845 года, когда тот только что ознакомился с текстом его «Бедных людей». До этого был Некрасов, редактор «Современника», который, прочитав рукопись молодого, тогда ещё никому не известного литератора, прибежал к нему на дом среди ночи!... «Вдруг звонок, чрезвычайно меня удививший, – пишет Достоевский, – и вот Григорьевич и Некрасов бросаются обнимать меня, в совершенном восторге, и оба чуть сами не плачут... Он пробыл у меня с полчаса, в полчаса мы Бог знает сколько переговорили, с полуслова понимая друг друга, с восклицаниями, торопясь; говорили и о поэзии, и о правде, и о «торгашеском положении», разумеется, о Гоогле, цитируя из «Ревизора» и из «Мёртвых душ», но, главное, о Белинском. «Я ему сегодня же снесу вашу повесть, и вы увидите – человек-то, человек-то какой! Вот вы познакомитесь, увидите, какая это душа!» – восторженно говорил Некрасов, трясая меня за плечи обеими руками. – Ну, теперь спите, спите, мы уходим, а завтра к нам!». Точно я мог заснуть после них. Какой восторг, какой успех, а главное – чувство было дорого...».

Согласитесь, такое триумфальное вхождение в литературу, когда редактор крупного авторитетного журнала среди ночи прибегает к молодому автору на дом с изъяснением полного восторга, со слезами счастья от прочтения рукописи его первого произведения, согласитесь – случай в истории литературы исключительный, тут какая-то загадка! Впору было закружиться голове у молодого 23-летнего человека... Но разгадка всему этому есть, и она дана самим Достоевским в вышеприведённом тексте – Гоголь. Да, именно так, Некрасов и Белинский искали «нового Гоголя», уже чувствуя, что творческие силы Николая Васильевича клонятся к закату. Пройдёт два года – и Белинский напишет своё известное письмо Гоголю, где гневно обрушится на него за отступничество, по его мнению, от демократических и либеральных принципов. А тут появляется автор, который прямо выводит гоголевские типы и характеры «бедных людей» именно в нужной лидером «прогрессивного движения» социальной окантовке, даже более психологичнее обострённой, чем у великого создателя («Шинели» и «Петербургских повестей»). Достоевский показался тогда подлинным кладом Некрасову и Белинскому, как талантливейший деятель на ниве

их революционных идей. И вот Достоевский уже у Белинского, известного и часто беспощадного литературного критика, законодателя литературной моды, лидера демократического направления во всём тогдашнем российском мировоззрении.

«Он заговорил пламенно, с восторженными глазами: «Да вы понимаете ль сами-то, – повторял он мне несколько раз, – что это вы такое написали!» Он вскрикивал всегда, когда говорил в сильном чувстве. «Вы только непосредственным чутьём, как художник, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы нам указали?»».

Далее Белинский по словам Достоевского указывает ему несколько мест из его повести, где герой произведения вынужден унижаться перед генералом, высказывать своё подобострастие,

Петербургский мечтатель

Достоевский: путь к красоте

целовать начальственную ручку... В общем – обыкновенная картина приниженности и раздвоенности личности человека перед силою деспотической власти. Резкий протест против этого, что слышался революционному критику в прозе молодого автора, привёл его в восторг. Ещё бы! – этого не было даже у Гоголя, где часто всё сводилось к иронии, хотя довольно и злой. А у Достоевского всё звучало на полном серьёзе и могло показаться крайне революционным... но тут неистовый критик и ошибся: Достоевский не стремился к ниспровержению всего и вся, его «бедные люди», его «униженные и оскорблённые» переживают свои обиды и горести в себе, они сами чувствуют своё несовершенство, и потому, по большому счёту, не встают против этого несовершенного мира, их страдания ведут к очищению души, что вполне по-христиански, а это-то и было чуждо борцу за «свободу и равенство» и ниспровергателью косной старины «неистовому Виссариону». Он вскоре поймёт, что Достоевский – не революционер в социальной сфере, он революционер в области духа, но это Белинского не интересовало, он этого не понимал, потому и обрушился вскоре на Гоголя, когда тот выступил в свет свои «Выбранные места из переписки с друзьями», где провозгласил себя убеждённым христианином и не ниспровергателем, а охранителем основ старой русской жизни.

И вот уже Достоевский в кружке «коммуниста» Спешнева (одного из подразделений подпольного движения Петрашевского) читает пеньные и очень гордые строки революционного критика, бичующие недавно ещё превозносимого им ... автора «Мёртвых душ»!

«Проповедник кнута, апостол невежества, лоборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов – что Вы делаете?... Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною... Что Вы подобное учение опираете на православную церковь – это я ещё понимаю: она всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между Ним и какою-нибудь, а тем более православною, церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину Своего учения. И оно только до тех пор и было спасением людей, пока не ограничилось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же являясь царской, стало быть поборницею неравенства, ласцею власти, врагом и гонимельницею братства между людьми, – чем и продолжает быть до сих пор. Но смысл учения Христава открыт философским движением прошлого века. И вот почему какою-нибудь Вольтер, орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа, плоть от плоти его и кость от костей его, не-

жели все Ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные. Неужели Вы этого не знаете? А ведь всё это теперь вовсе не новость для всякого гимназиста...».

Читал всё это Достоевский в 1847 году, и, кто знает, не мерещился ли ему уже тогда образ Раскольниковца с топором, «право имеющего» всё рушить «до основания», или кто-то из персонажей «Бесов», что всем своим дьявольским скопом предают смерти своего же товарища?.. Нет, тогда молодой автор романтических «Белых ночей» – только что законченной им повести о влюблённом молодом человеке, «петербургском мечтателе» с чистой, открытой всему лучшему в этом мире душой, был подкуплен велепречными словами критика о Христе, не видя вся неслепоту идейных построений Белинского, его откровенное невеже-

ство и подтасовку исторических фактов. Он превозносил Христа, что «возвестил людям учение свободы», и носит при этом Христову церковь, будто не знает, что церковь-то была Христом и основана, и провозглашено им, что «врата адавы её не одолеют!» Не знает этого «неистовый»? – наверняка знает, но сознательно лжёт, увлекаясь потоком своих обличений. А когда он говорит о Вольтере, что тот «погасил в Европе костры фанатизма», то начисто забывает при этом о десятках тысяч жертв революционного террора во Франции, чудовищного по своему фанатизму и жестокости, совершенного якобинцами – верными адептами того самого Вольтера, которые на пепле «костров невежества», воздвигли тысячи кровавых гильотин... Всё это Достоевский осознает после. После того, как отсидит восемь месяцев в крепости и получит смертный приговор... И вот – морозный петербургский декабрьский денёк 1849 года. Вереница приговорённых к смерти бредёт в кандалах под солдатским конвоем на плац, где обычно проводились военные смотры гвардейских полков. Быют барабаны. Что вспоминается молодому писателю в этот страшный момент перед лицом смерти? Может быть – минута восторга и упоения при словах того самого Белинского, что скажет ему при их первой встрече: «...а вы, художник, одною чертой, разом в образе

выставляете самую суть, что ощущать можно было рукой, чтоб самому нерассуждающему читателю стало вдруг всё понятно! Вот тайна художественности, вот правда в искусстве! Вот служение художника истине! Вам правда открыта и возведена как художник, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!...».

Эти слова Фёдор Достоевский запомнит навсегда, как высшую оценку своего таланта... но к чему всё это, если уже прикручивают руки к позорному столбу в шеренге таких же приговорённых. Глаза ещё не завязывают, их завязнут после, пока читают приговор: «...отставного инженер-поручика Достоевского, за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева, – лишить чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием».

«Мы сейчас будем с Христом!» – жарко шепчет Достоевский своему товарищу по эшафоту «коммунисту» (так он себя называл едва ли не первым в России) Спешневу. «Горстью праха», – отвечает не признающий Бога атеист и никнет головой... Гремят барабаны...

Что ещё вспоминается петербургскому мечтателю... Больничный флигель на Бождомке (ныне ул. Достоевского в Москве), где родился он холодную осенью 1821 года 30 октября (11 ноября по новому стилю) в семействе штаб-лекаря Михаи-

ла Андреевича Достоевского, выходца с Волыни. Предки Достоевского были из священнической сословия, и отец писателя сначала учился в семинарии, но потом по особому указу императора Александра I в числе иных многих семинаристов был направлен на учёбу в Императорскую медицинско-хирургическую академию в Санкт-Петербурге – в русской армии не хватало лекарей. Проведя на медицинской службе в полках армии с 1812 по 1820 годы, он вышел в отставку и занял должность старшего лекаря в Марининской больнице для бедных в Москве. В 1820 году женился на купеческой дочери Марии Фёдоровне Нечаевой. Видимо, по имени её отца, своего тестя, на помощь которого, разумеется, всегда рассчитывал небогатый бедняцкий врач, он и назвал своего второго сына Фёдором. Семейство было большое – три сына, две дочери,

но помощь купеческих родственников и выслуга, наконец, низшего дворянского чина, обеспечила возможность покупки крохотного имения Даровое в Зарайском уезде, так нужного места летнего отдыха для всей разросшейся докторской семьи.

Именно Зарайская земля и стала духовной родиной писателя. Воспоминания об некоем уездном городе, где развёртывается действие его истории «Дядюшкин сон», дорога от Зарайска к Даровому мимо большого села Иванчиково, ставшее Степанчиковым в другом произведении писателя – «Селе Степанчиково и его обитатели», первое общение с природой в живописных берёзовых и дубовых рощах Южного Подмосковья, эти волнистые поля, где «на холме среди жёлтой нивы чета белеющих берёз», что воспел ещё Лермонтов, – всё это и составило чувство родины в душе будущего писателя, которое даже петербургские туманы никак не смогли погасить.

Приговор прочитан. Осуждённым завязывают глаза и надевают на голову рогожний колпак, руки за спиной привязаны к столбу. Всё, сейчас возглас: «Пли!» и... смерть. А ведь сколько было надежд, сколько мечтаний!... Тогда, после первой успешной публикации, он ходил словно в тумане. Он бросил военно-инженерную службу, хотя уже был поручиком и впереди светила карьера. Какая карьера – литература, творчество, свободное художество – вот его стезя! Ах, как был бы недоволен отец, настоявший на поступлении Фёдора в престижное Военно-инженерное училище в Петербурге (этому учебному заведению покровительствовал сам император, имевший инженерное образование. «Мы – инженеры!» – было любимым присловием Николая Павловича), но отец умер в 1839 году от апоплексического удара, ещё раньше скончалась мать после тяжёлых родов последней дочери... Имение досталось старшему брату Михаилу, а ему Фёдору надо было служить... Он и служит, но переводит одновременно французские романы Жюль Санд, Эжен Сю и других авторов с их преувеличенной чувствительностью эпатажных героев и страдающих любовной неврастенией хороших героинь... Не отсюда ли пошла и особая нервная обострённость чувств и у персонажей Достоевского?... Его приглашают в литературные кружки и общества, он слушает слова о свободе, о революции, что всё громче раздавались на этих собраниях, особенно после вспыхнувших в Европе социальных бунтов в безумном 1848 году, когда многие потянулись к идеям французского социалиста Шарля Фурье, а словечки «коммунизм», «коммуна» впервые звучали в обиходе петербургской интеллигенции, подпитываемой нелегальной литературой с Запада. Появились русские «передовые» люди, что успели засветиться на баррикадах Парижа и Вены, пообниматься с польскими «патриотами» в немецких кабаках – «за нашу и вашу свободу!» Не один такой словоохотливый Рудин (герой романа Тургенева, что никак не мог найти себе занятия в России и потому отправился в Европу – бороться за свободу!) витийствовал тогда на этих собраниях.

...Но вот окончательно замолкли барабаны. Наступила мёртвая тишина. Солдаты расстрельной команды подняли ружья. Тишина... Под рогожным колпаком душно, холодно, противно... Была бы хоть одна живая душа, что помолится бы за него. Хоть одна девичья слеза пролилась бы на его судьбу... Петербургский мечтатель! он только недавно закончил свою самую романтическую, самую светлую вещь, хотя действие там происходит и ночью, но ведь это – белые ночи июня в Петербурге, когда даже ночная тьма отступает перед силой

любви бедного юноши, что встречает раз белой ночью у чужной ограды канала прекрасную юную девушку, подавленную тем, что любимым её человек не пришёл на обещанную встречу...

«В сторонке, прислонившись к перилам канала, стояла женщина; облокотившись на решётку, она, по-видимому, очень внимательно смотрела на мутную воду канала. Она была одета в премилейшую жёлтой шляпке и в кокетливой черной мантильке. «Это девушка, и непременно блондетка», – подумал я. Она, кажется, не слышала шагов моих, даже не шевельнулась, когда я прошел мимо, затаяв дыхание и с сильно забившимся сердцем. «Странно!» – подумал я, – верно, она о чем-нибудь очень задумалась», и вдруг я остановился как вкопанный. Мне послышалось глухое рыдание. Да! я не обманулся: девушка плакала, и через минуту ещё и ещё всхлипывание. Боже мой! У меня сердце сжалось. И как я ни робок с женщинами, но ведь это была такая милая!»...

Далее герой выручает девушку, прогоняет некоего пьяного господина, что пытался пристать к незнакомке. Завязывается обычный пустячный разговор между молодыми людьми, и тут герой произведения открывает своей попутчице свою романтическую душу...

«Я в каком-то испуге теперь. Точно сон, а я даже и во сне не гадал, что когда-нибудь буду говорить хоть с какой-нибудь женщиной. – Как? неужели?»

– Да, если рука моя дрожит, то это оттого, что никогда ещё её не обхватывала такая роскошная маленькая ручка, как ваша. Я совсем отвык от женщин; то есть я к ним и не привык никогда; я ведь один... Я даже не знаю, как говорить с ними. Вот и теперь не знаю – не сказал ли вам какой-нибудь глупости? Скажите мне прямо; предупредяю вас, я не обидчик...»

– Нет, ничего, ничего; напротив. И если вы требуете, чтоб я была откровенна, так я вам скажу, что женщинам нравится такая робость; а если вы хотите знать больше, то и мне она тоже нравится, и я не отогоню вас от себя до самого дома...».

Разумеется, эти сентиментальные страдания и наивные речи могут вызвать у современного читателя только скептическую улыбку. Но ведь Достоевский и писал «сентиментальный роман», это и было его задачей – показать не реального, а идеального человека, у которого все чувства обострены до предела, который живёт не в реальной жизни, а в каком-то возвышенном, прекрасном мире своих мечтаний. Среди гоголевских белых ночей... Так и должен и говорить, и чувствовать, и общаться с девушкой такой герой – в полном и совершеннейшем смысле слова романтик. И вот тут мы подходим к реальной драме писателя, когда он, начинавший постигать мир и желавший творить как истинный романтик, искавший прекрасное в людях, был сломан, уничтожен, казнён тогда на Семёновском плацу в конце декабря 1849 года.

Да, рокового залпа не прозвучало. В последний момент, почти уже сквозь смертельный сон, приговорённый и лишённый дворянства и чести через преломление шпаги над головой, Фёдор Достоевский услышал о царской милости: «С соизволения государя императора, по неизреченной его милости, означенным государственным преступникам заменить смертную казнь каторжными работами и сослать в Сибирь навечно!».

С осуждёнными сняли рогожные мешки, развязали руки. Кто-то упал в снег; кто-то рыдал, кто-то молчал. Поручик Григорьев, знакомый Достоевскому по кружку Спешнева и сочинитель «Солдатской беседы» – попытки агитации среди военнослужащих, сошёл с ума и теперь громко смеялся и строил рожи. Сошёл с ума ещё один из приговорённых... А Достоевский не сошёл с ума. Просто он на краткий миг загнал в бездну и увидел Христа, идущего к нему навстречу. Перед ним расступалась бездна... После, уже в ссылке, отбыв четыре года каторги, он заспорит с одним своим товарищем, что будет доказывать – Бога нет. Исчерпав все аргументы, Достоевский в сильнейшем волнении вдруг увидит яркий свет, ангелов, святых и Христа... Воскочит со стула, закричит в неистовстве: «Есть Бог, есть!» – и упадёт в эпилептический припадок. Но началось это всё тогда, на Семёновском плацу. Рассказ об этом есть в воспоминаниях Софьи Ковалевской, что близко общалась с писателем после его возвращения из Сибири.

Да, после этой изощрённой казни, разыгранной по сценарию самого императора Николая Павловича, после «мёртвого дома» и сибирской каторги не стало больше прекраснотушного романтика и петербургского мечтателя, но явился много испытанный и мудрый, «аки змий», великий трагический ум – русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский, до конца своих дней веривший, что «красота спасёт мир», но только та красота, которая живёт в бездне страданий – в негасимом сердце человека.

Владимир КОРНИЛОВ

Музыка эпохи и эпоха в музыке

К 95-летию Александры Пахмутовой

Одна из особенностей советской песни – её публицистичность, отзывчивость на события, происходящие в жизни страны и мира. Многие советские песни, отвечая на вызовы времени, оперативно иллюстрировали те или иные события. При этом произведения этого жанра, как правило, отличало высокое качество музыкальной основы и поэтического содержания. Среди корифеев песенного творчества тех лет почетное место принадлежит Александры Пахмутовой.

Музыкальная одаренность Александры Николаевны Пахмутовой проявилась чрезвычайно рано. По свидетельству родителей, в три года она сочинила мелодию, а в пять лет – первое в жизни музыкальное произведение «Петухи поют». Страстно желая стать композитором, в четырнадцать лет, в разгар войны, из карагандинской эвакуации она решила поехать в Москву. Преодолев нелегкий путь до столицы, поступила в Центральную музыкальную школу при Московской консерватории им. П.И. Чайковского. Училась на факультете фортепианной музыки и посещала кружок юных композиторов. Её педагогами стали выдающиеся советские композиторы Н.Пейко и В.Шебалин.

Александра Пахмутова является прямой наследницей и продолжательницей традиций русской симфонической, фортепианной и вокальной музыки. Отчасти этим объясняется, почему она так уверенно вошла в музыкальный мир, хотя в тот момент там творили такие выдающиеся, всенародно признанные композиторы как В.Соловьев-Седой, А.Новиков, Я.Френкель, А.Островский, В.Баснер, Б.Мякушов... Александра Пахмутова заняла свое достойное место в этом ряду и стала одним из ярчайших авторов.

На её счету более 400 песен, написанных в содружестве со многими талантливыми поэтами того времени: Л.Ошаниным, М.Лисянским, Е.Долматовским, М.Матусовским, В.Бокковым, А.Вознесенским, С.Гребенниковым и другими. Но главным создателем в песенном творчестве стал поэт Николай Добронравов, её супруг. Отметим только некоторые из их песен, которые стали советской классикой. Это «Русский вальс», «Настало время бить в колокола», «Надежда», «И вновь продолжается бой», «Команда молодости нашей», «Мелодия», «Как молодцы мы были», «Каким он парнем был», «Обнимай небо», «Орлята учатся летать» и др. Эти произведения, как и многие другие их творения, – шедевры, в которых музыка и поэтический текст конгениальны.

Песни Александры Пахмутовой звучали в космосе, на Олимпиаде-80, в походах у костра, на торжественных вечерах, танцевальных площадках, домашних

праздниках. По её песням легко реконструировать советскую эпоху конца 50-80-х годов: идеологию, великие события того времени – прорыв в космос, строительство БАМа, Братской и Усть-Илимской ГЭС, феноменальные успехи советских хоккеистов. Эти песни отражают чистоту нравов и помыслов советских людей, которые искренне верили в светлое будущее и делали все возможное, чтобы эта пора наступила. Песни были настолько эмоционально, содержательно, нравственно созвучны разным поколениям советских граждан, что ежедневно звучали по радио и телевидению, стали неотъемлемой составляющей жизни людей.

Вот, например, героико-романтическая «Песня о тревожной молодости» из кинофильма «По ту сторону» (1958 г.). Песня пережила свой 65-летний юбилей, но до сих пор любима и популярна. По словам Дм. Кабалевского, видного советского композитора и музыкально-просветителя, в этой песне удалось создать «своеобразный собирательный портрет нашей молодежи, её лучших гражданских черт, портрет, написанный в увлекательных, романтических тонах». Молодежь 60-70-х годов XX века узнала себя в её мелодии и приняла этот красивый вокально-поэтический портрет. Поэт Лев Ошанин рассказывал, что несколько раз предлагал Пахмутовой слова для песни, но каждый раз что-то не получалось. «Мне хотелось написать такие

слова, чтобы в них переплелись и дороги гражданской войны, и дороги первых пятилеток, и дороги войны Отечественной, и чтобы, передавая прошлое, слова песни переносили нас в сегодняшний день, были словами сегодняшних комсомольцев. Пахмутовой понравились слова, и она написала на них музыку. Начинаем играть и петь – всё мимо, всё неинтересно, песни нет. Когда композитор предложила свою музыку, то я сразу признал, что именно эта мелодия должна прозвучать в фильме. Слова были написаны заново, изменился не только ритм, но и содержание стиха. Исчезли все прописные истины и приказные интонации». Так музыка Пахмутовой вдохновила поэта на рассказ о «человеческой судьбе и порывах человеческого сердца». Теперь строчки стихотворения Льва Ошанина не в приказном порядке призывали героев песни идти вперед, а раскрывали внутренние чувства и побуждения, готовность служить великой цели и совершать героические поступки во имя Родины.

В песне «Мелодия любви», как говорили авторы, нашли отражение чувства великого советского певца Муслима Магомаева к своей возлюбленной, будущей супруге Тамаре Синявской. Она в то время проходила стажировку в милашском театре «Ла Скала». Любовь, горечь и надежда переданы настолько тонко, трепетно и мощно, что, слушая этот музыкальный шедевр, невозможно

На 90-летию Александры Николаевны Пахмутовой в 2019 году

не последовать за лирическим героем, сопереживать ему. И это состояние повторяется всегда, сколько бы раз произведение ни звучало. Содержание песни становится еще дорожее современному слушателю, когда он узнаёт, что Муслим Магомаев и Тамара Синявская прожили в любви и были счастливы 34 года, пока не ушел из жизни Магомаев. «Мелодия любви» стала для них своеобразным талисманом.

Другая яркая запоминающаяся пахмутовская песня – «Надежда», которую прекрасно исполняли многие певцы, а слушатели особенно полюбили женский вариант исполнения – интерпретацию польской певицы Анны Герман с её неповторимым по тембру и вокальным краскам голосом.

Следует отметить, что Александры Пахмутова – выдающийся музыкант не только российского, но и мирового

масштаба. Её творчество отразило историческую эпоху длиной в несколько десятилетий во всем многообразии событий. В знак признания заслуг один из астероидов назван именем композитора. При этом Александра Николаевна по-настоящему скромный человек, открытый и доброжелательный в общении. Она не заражена рыночными отношениями: как говорят её друзья, до сих пор раздает песни вокалистам бесплатно, ни копеечки не забавывая на их исполнение. Как в советское время, так и сейчас она пишет песни по велению сердца. В её произведениях нет фальши, но есть правда, светлые идеалы, радость жизни, любовь к людям, гармония музыки, чувства и мысли – и поэтому они, как и прежде, интересны современным исполнителям и слушателям.

(Полная версия – на сайте)

АНО «Газета русских писателей «ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ»

Учредитель – Союз писателей России

Свидетельство о регистрации от 12.04.2019

№ 1197700005513

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, каб. 109

Тел. редакции: 8 (916) 015-80-69

Наш сайт: denliteraturi.ru Электронный адрес: denlitera@yandex.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда» (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 4 000

Главный редактор –
Валентина ЕРОФЕЕВА